

ОБЪЯВЛЯЯ выступление Ивана Суржикова, конференсье тут же сообщило, что будут еще Зыкина, Миансарова и Кобзон. Другой бы на его месте сделал из этого три самостоятельных приятных сюрприза, но конференсье Олег Милявский вообще многое делает не так, как другие, и об этом мы еще скажем. Теперь же обратим внимание на трех девочек-подружек, прибежавших откуда-то сверху в первые ряды, как только погасили свет (свободных мест было много, и переселение в первые ряды было массовым). Услышав, какие знаменитости сегодня выступают, девочки издали дружно «ах». Они этого не ожидали. Из чего следовало, что они не читали афишу. А не читали они ее потому, что этот вечер во Дворце спорта продавался в районных театральных кассах как «Молодежный бал». Или как «Вольшой концерт с танцами». Девочки-подружки пришли на танцы.

Это такое традиционное мероприятие в дни зимних студенческих каникул. Когда-то предполагалось, что главное в самом деле будет не на сцене, а в фойе: танцы, игры... еще что-нибудь. Но «еще чего-нибудь» не придумали, и в фойе ничего интересного не происходит, и даже танцы проходят весьма вяло. Для сцены же, как мы видим, московская эстрада отряжает свои лучшие силы, и вот таким-то образом наши девочки получили главные впечатления от этого вечера не там, где собирались полу-

Лучшим силам эстрады пришлось нелегко. Внимание публики не было сосредоточенным. Ну, вы сами знаете, как это бывает «на танцах», да и при любых условиях превращение Дворца спорта в храм искусств является задачей трудной и не очень вдохновляющей. Однако сделали что могли. Прежде всего придумали «концентрирующее» начало: внезапно гаснет свет, и в луче прожектора без всякого предупреждения выполняется головокружительный номер Людмилы Свидаерской на свободном висящем канате. От этих упражнений нельзя оторвать глаз, и действительно, все смотрят только на чудесную артистку. Но это — именно как чудо, как мимолетное виденье, которое само по себе ничего не говорит, а либо открывает неведомую дверь, либо исчезнет бесследно. Поэтому после Свидаерской почти не было аплодисментов, как не может быть рецензии на книгу после одного только предисловия к ней.

Однако нам показывали не спектакль, а концерт, где каждый номер имеет свою собственную цену. Поэтому публике влетело от конференсье за недостаточно дружные рукоплескания. Вообще публика не виновата: она восприняла первый номер как завязку эстрадного спектакля, и кто же знал, что «продолжение не следует». Но и Милявский молодец. Он

начал вечер не с приготовленных заранее слов, а того, что его в самом деле сейчас взволновало. Все конференсье говорят «от первого лица», но мало кто говорит от личного чувства. Олег Милявский это делает.

Его конференс был агрессивным. При этом он был гибким, естественным и, что кажется особенно ценным, интересным по содержанию, то есть по информации, имеющей прямую связь с программой концерта. Артист жил реальными ситуациями данного вечера, и было ясно, что в другой раз и он будет другим: он «вел концерт» в прямом смысле — вел его к успеху, вел его к залу и вел зал к чему-то новому усвоению концерта. В разношерстной аудитории, для которой была приготовлена столь же разношерстная программа,

В частности, Леонид Усач, чуть ли не единственный сейчас на эстраде комический рассказчик (не чтец, а именно рассказчик), все свое искусство строит на воображаемом контакте со слушателем, и его воображение нужно все время стимулировать фактическими доказательствами контакта — прежде всего, конечно, смехом, — а то он повиснет в пустоте. Выступая же в атмосфере сочувствия, он показывает поистине виртуозную технику выжимания оттенков из так называемой «повседневной» интонации «добродушного повествования». Это богатый артист, поэтому у него ни один материал не будет бедным. Рядом с железной когортой «мастеров художественного слова», успевающих за одно выступление истощить недра всей мировой литературы

делей сезона в ателье, где наша артистка лишь заказчица, а шьют на нее другие. В результате не она делает песню, а песня «делает» артистку, которая при всей своей восприимчивости никак не может пайти свой стиль. Свойство всякого таланта — не только хорошо делать то-то и то-то, но и точно чувствовать, чего ему делать не следует. Это называется избирательностью вкуса, и с этого начинается индивидуальность. Мы благодарны Миансаровой за то, что она вводит в наш обиход новые песни, но в ее беспокойных передвижениях по всем существующим манерам сквозит желание сказать и свое слово, и будет жаль, если это ей не удастся. Удастся же это только тем, кто заглядывает иногда и в себя, так сказать, слушает песню своей души.

Иначе пропадет всякая разница (пока еще она ощущается) между живой заинтересованностью Миансаровой и равнодушным «исполнительством» Иосифа Кобзона. Популярность этого певца сейчас такова, что приходится волноваться не за его судьбу, а за судьбу неодообрительно отозвавшегося о нем рецензента. Девочки-подружки могут пожертвовать танцами, но не жертвуют Кобзоном. Впрочем, упрекать его и не в чем. У него приятный голос и нет артистических данных. Ну на нет и суда нет. Дай ему бог всякого успеха на пластинках, а «в живом виде» он будет вне конкуренции только до... до появления конкурента. Так что огорчает не Кобзон (он делает, что может), а то, что конкурент до сих пор не появился, что на такое множество жанровых певиц у нас нет одного настоящего жанрового певца.

— Ну почему бы Утесову не поработать с Кобзоном? — сказал мне один артист эстрады. — Научил бы его чему-нибудь...

Я не знаю, кто работает с Людмилой Зыкиной. Я вижу только, что из года в год сама она работает все лучше и разнообразнее. В жанр русской песни, на высоте которого не мог удержаться Суржиков, она привнесла современный элемент с такой художественной чуткостью, что и посредственные песни стилизаторов приобретают благородство чистого стиля (и снова утрачивают его у подражателей Зыкиной). Какой бы успех ни имела она у публики, она всегда делает больше, чем требуется для успеха, и никогда не делает того, что «вообще принято», если это не свойственно лично ей. И в тот вечер во Дворце спорта из четырех певцов она была наименее развлекательной, а успех имела наибольший. Это именно и внушает надежду.

Потому что кто бы ни проходил в качестве фаворита в данную минуту — есть общая тенденция, и она постепенно захватывает все новых и новых артистов. Формирует вкус все новых и новых зрителей — эстрада становится оригинальной, индивидуальной, строже по стилю и ярче по форме. Уже чего, кажется, проще, чем понравиться залу самыми дешевыми куплетами (такой это выгодный жанр), а вот Евгений Веров и Виталий Ткаченко поют на мотив «Черного кота» куплеты «дорогие», от которых публику, может, и дрожь пробрает, а публика благодарна им за это; уж как вроде считалось обязательным гладить зрителя по головке в конференсе, обличая лишь отсутствующих, а вот Олег Милявский дразнит своего зрителя и задает его самозлобие, и ничего, зритель только больше уважает артиста.

Вот теперь можно и потанцевать.

А. АСАРАН.

В ЭТОТ ШУМНОГО БАЛА, СЛУЧАЙНО

Милявский был объединяющим началом, и он не уклонился от неблагодарной роли пропагандиста и воспитателя. Напротив, он бросился в бой за то, чтобы пассивный интерес к зрелищу превратился в активный интерес к смыслу. Это было классом выше любого существующего ныне способа работать с публикой на эстрадном концерте, и работа эта была по-настоящему творческой, поскольку она открывала художественную индивидуальность и гражданскую позицию артиста в предлагаемых обстоятельствах. Не раз и не два Олег Милявский заставлял публику смеяться и аплодировать. Но весь вечер он заставлял ее думать.

Этот умный, не заискивающий перед неискушенной аудиторией конференс вывел весь концерт за пределы довольно жалкого «бала» и переманил девочек-подружек на свою сторону. Если первый из выступавших (Людмилу Свидаерскую мы считаем как бы прологом), чтец Георгий Сорокин, еще и был несколько растерян и от растерянности низвел лирический «Разговор на одесском рейде» Маяковского до уровня развлечения, после чего вообще перешел к Владимиру Котову — к патетическим стихам об украденных брюках, то все следующие артисты встречали уже подготовленную и подогретую публику, что позволяло им оставаться на своей обычной высоте.

от Шекспира до деда Щукаря, скромный репертуар Леонид Усача оказывается нечаянной радостью, а сам артист — магом и чарореем. Что и было продемонстрировано во Дворце спорта.

Свой нынешний уровень показали и «четыре кита» эстрадного пения, которых конференсье обещал всех сразу. Что это за уровень — на эту тему следовало бы поговорить особо, потому что певцы стали у нас теперь королями эстрады, все ими интересуются, и всякое суждение о них нужно подробно аргументировать, залезая в разные теоретические дебри. Если же сказать коротко, то можно ограничиться одним словом: разочарование.

И только благодаря Зыкиной можно добавить еще: и надежда.

Иван Суржиков занимает на эстраде важнейшую должность «русского тенора», которая до него была вакантной со времени тургеневских «Певцов». Этому артисту, вернее, его тембру голоса и заявленной им вначале манере, принадлежит неисчерпаемое богатство старых русских песен, чисто народных или ставших народными. Их стали уже забывать, и казалось на первых порах, что Суржиков пришел возродить их. Теперь же надежды наши плохи. Все меньше народности и новизны, все больше манерности и штампа — вот что мы видим у Суржикова от сезона к сезону. Когда-то хорошо разработанный «Хуторок» он прокрутил как истрепанную киноленту, а затем спел две посредственные новинки «под русский стиль», спел в стандартной эстрадной манере, с дилетантскими «нюансами» и на успех выученной чувствительностью. Приобретя имя, Суржиков стал, очевидно, знатным гастролером, и потому он сам себе голова. Если не дать ему сейчас художественного руководителя, он скоро растратит свою популярность.

С Тамарой Миансаровой дело обстоит иначе. Суржиков просто перестал работать, она же, наоборот, без устали ищет, пробует, меняет. Но это похоже на примерку мо-

Московский комсомолец, 1965, 16 февраля.